

найти выгодным приготовление букв и процесс набора, если бы в его время не было огромного спроса на рукописные книги. Спрос же этот создан в результате начавшейся в ту эпоху демократизации знаний.

д) Первые шаги демократизации знаний.

— Насколько были распространены в обществе знания к концу Средних веков?

— Не только для крестьянской массы, но и для светских феодалов глубочайшее невежество было правилом, простая грамотность — редким исключением. Это и не составляло практического неудобства: тогдашнее хозяйство, с его однообразно повторявшимися отношениями людей, с его застойной техникой, легко обходилось обычным, устно передававшимся опытом и почти не нуждалось в письменности. А если возникал необычный случай, когда требовалось ее применение, то дело брал на себя жрец, который заботливо сохранял от непосвященных монополию своих „высших знаний“.

— Могло ли продолжаться такое положение при развитии обмена товаров?

— Нет, условия тут изменились. Обращение товаров и кредит, по мере своего расширения, порождали потребность и в точном счете, и в применении письменных документов — расписок, долговых обязательств и т. п. Грамотность становилась необходима товаропроизводителю для сколько-нибудь успешного выполнения функций, связанных с рынком.

— Значит ли это, что вместе с денежным хозяйством элементарное образование распространилось в массах народа и стало всеобщим?

— Нет, до этого было еще далеко. Эпоха была переходною: меновые отношения завоевывали шаг за шагом господство, но еще во многом и многое жизнь опре-

делялась не ими. Напр., очевидно, что во времена крепостного права большинство крестьян, вовлеченное в товарообмен косвенно, через помещика, продававшего на рынке полученный с них прибавочный продукт, могло и должно было коснеть в прежнем невежестве; и помещики в своих интересах заботились об этом. Даже после освобождения крестьян повсюду требовалось еще долгое время, чтобы грамотность охватила всю их массу, и это вообще не было достигнуто в пределах периода торгового капитализма.

Но все же произошла очень большая перемена. Те знания, которые мы теперь называем „начальными“, быстро перестали быть привилегией немногих — и сделались довольно обычными, по крайней мере, среди горожан, а также захватили в крестьянстве верхние слои, специализировавшиеся на торговле и ростовщичестве, слои „кулаков“, „богатеев“.

При этом темнота и невежество остальной массы послужили для торгового капитала могучим орудием ее закабаления, а затем и разорения, подготавливавшего дорогу высшей форме — промышленному капиталу.

— Ограничивался ли процесс распространения знаний одной грамотностью?

— Нет, он касался и знаний более сложных. Мы уже видели, напр., насколько все торговое мореплавание нуждалось в астрономии, математике и т. п. Искание рынков и разраставшиеся связи с отдаленными странами, а также часто ощущавшаяся зависимость рыночной конъюнктуры от политических условий — государственных мероприятий, войн, договоров о таможенных тарифах — толкали к ознакомлению с географией, иностранными языками, историей, к изучению законов и обычаев. Многочисленность и разнообразие обрабатывавшихся товаров, необходимость разбираться в их качествах и способах производства делали практически необходимыми в торговле разные другие отрасли технических наук и связанных с ними естественных. Зависимость лю-

дей от рынка, изменчивость кон'юнктуры заставляли общественную мысль работать над экономическими вопросами, и зарождавшиеся знания в этой области вызвали живой интерес в передовой публике.

Конечно, распространение более сложных научных знаний было уже, чем простой грамотности. Но все они не могли уже быть привилегией того или иного сословия, а равно не могли носить священно-традиционного, мистического характера „высших“, жреческих знаний феодальной эпохи.

Книгопечатание приобрело свою силу, как мы видели, от этой начавшейся демократизации знаний; но затем оно же явилось ее самым могущественным орудием.

— На какие рамки или препятствия наталкивался процесс демократизации знаний?

— С одной стороны, сопротивление феодальных классов, сеньоров светских и жрецов: для них невежество масс было социальной опорой, жизненной необходимостью. С другой стороны—превращение знаний в товар, который приходится покупать ценою денег; это еще долго преграждает путь к образованию самым многочисленным слоям общества, особенно же в эпоху систематического их разорения торговым капиталом.

Но все-таки, через все трудности, порой с колебаниями, демократизация науки шла уже тогда: жажда знаний, как силы, помогающей личности пролагать себе дорогу в социальной борьбе, разливалась в обществе.

е) Возрождение классических идеологий.

— Какой исторический смысл имело воскрешение остатков античной культуры?

— Античная культура была создана обществом если не вполне, то в значительной мере меновым, и притом теми его слоями, которые жили по преимуществу в сфере

денежно-товарных отношений. Феодалное общество Средних веков, пришедшее на смену античному, было не меновым, а натурально-хозяйственным, и потому лишь в малой степени могло воспользоваться культурным наследством Древнего мира. Когда на заре Нового времени вновь начала складываться товарно-меновая организация, то потребовалась вновь и меновая идеология; а она была высоко выработана классическим миром. Таким образом, нарождавшееся общество в остатках древности находило для себя массу готовых организующих форм, которые как нельзя легче могло частью прямо применить, частью приспособить к своим условиям, изменивши постольку, постольку его формы отличались от форм античного общества.

Выработка всякой идеологии вообще достигается лишь ценою огромной и длительной работы; а особенно это относится к сложнейшей идеологии буржуазного общества, полного противоречий. Поэтому легко себе представить, насколько важное сбережение социальной энергии получалось благодаря воскрешению античной культуры, насколько облегчалось и ускорялось им социальное развитие. В этом заключалось тогда революционное значение возрожденного классицизма. Так и в наше время отсталые страны, выступающие на путь промышленного капитализма и классовой борьбы, не вырабатывают каждая заново свои классовые идеологии, а заимствуют их у стран более старой капиталистической культуры, лишь несколько изменяя сообразно своим особым условиям, сберегая иногда целые столетия для своего развития.

— Что такое „схоластика“, и какую роль она играла в возрождении классической древности?

— Буквально это слово значит „школьная наука“. Она преподавалась в средневековых университетах, и первоначально была средством подготовки духовных пастырей. Тогда она сводилась к истолкованию священных книг, а также произведений Аристотеля, относящихся

к логике; эти произведения языческого философа сохранились в школьной науке потому, что давали правила точного истолкования, доказательства, дедукции на основе раз принятых истин; а это требовалось для широкого использования непреложных учений религии в церковной проповеди и вообще в жреческой деятельности. Схоластика была, как тогда выражались, служанкой богословия.

Веку к XII—XIII до схоластиков дошли через арабов и другие произведения Аристотеля, образующие своего рода научно-философскую энциклопедию древности. Феодализм уже разлагался, и католическое богословие было недостаточной идеологией для новых отношений. Наука и философия Аристотеля встретили горячий прием и вызвали переворот в схоластике, которая стала искать истины и на новом пути, что породило в ней немало прогрессивных для того времени, а следовательно, еретических идей. Схоластика тогда прокладывала путь для нового мировоззрения, а в частности—для гуманизма, стремившегося воскресить все великие идеологические творения древнего мира, о культурной силе которого можно было судить по гению Аристотеля.

Впоследствии, когда на сцену выступили течения более широкие и глубокие—гуманизм, реформация,—схоластика пришла в упадок и выродилась в то, что обыкновенно называют теперь этим именем: бессодержательное упражнение в логических тонкостях, стремящееся из каких-нибудь заранее принятых „истин“ выводить неограниченное количество новых,—на деле, разумеется, либо не новых, а уже заключающихся в том, что было признано, либо выведенных не научно, произвольно, с помощью чисто словесных ухищрений.

— Что представлял „гуманизм“?

— С внешней стороны гуманизм характеризуется интересом к произведениям античного искусства, науки, философии: разыскиванием того, что от них осталось, их изучением, подражанием их образцам. В действительности он представлял нечто гораздо большее,—иначе и не

сделался бы необыкновенно широким, но тем временам, и влиятельным культурным течением. Гуманизм был первой попыткой нового европейского общества систематизировать индивидуалистическое мировоззрение. Он сознательно ставил своей целью „humana“, „человеческое“ (отсюда и слово „гуманизм“), в противоположность, „божественному“, „divina“, царившему до тех пор безраздельно над жизнью.

Другими словами, человеческая личность, с ее особыми интересами, с ее жаждой силы, знания, красоты, счастья, заявляла свои права, противопоставляя их правам авторитарной традиции, подавляющей опеке католицизма. Большею частью, вначале, это не был еще прямой, открытый бунт против самой феодальной религии: гуманисты хотели, главным образом, того, чтобы вне религиозной сферы обязанностей человек мог жить „человеческим“, чтобы свою „мирскую“ жизнь люди устраивали без вмешательства католической церкви. Но это значило — свести роль духовенства к делам культа и благотворительности, тогда как раньше оно было мирным организатором всей общественной жизни. Естественно, что в дальнейшем борьба разгоралась и обострялась: из рядов гуманизма вышли многие крупные деятели ересей и реформации, чаще умеренные, но иногда и такие решительные бойцы, как Ульрих фон-Гуттен.

— Если гуманисты искали в античной культуре всецело „человеческого“, то как относились оно к столь сильным еще в ней элементам „божественного“, т.-е. к ее авторитарной и религиозной стороне?

— Частью они принимали и эти элементы, потому что сами еще являлись идеологами промежуточных форм; напр., древнее рабство для большинства из них казалось вещью естественной и понятной, как и крепостное право вокруг них. Что же касается собственно религиозно-языческой стороны древнего искусства и литературы, то для воспитанных в христианстве гуманистов она не могла

иметь того значения, как для самих греков и римлян, а воспринималась как своего рода художественное украшение. Это особенно заметно на подражательных произведениях самих гуманистов, где нередко языческие боги и католические святые перемешиваются и выводятся вместе причудливым образом.

— Ограничивался ли гуманизм только изучением древних образцов и подражанием им?

— Нет, он был таков разве лишь в самом начале. Гуманисты были людьми своего времени, жили его интересами, старались удовлетворять его потребностям. Многие являлись публицистами, обличителями недостатков общественной жизни, как знаменитые Эразм и У. фон-Гуттен; в Италии задело до них Бокаччио в остроумно-сатирической форме осмеивал пороки католического духовенства и даже феодальных сеньеров. Тот же Бокаччио занимался один из первых научно-популяризаторской работой, мечтал об энциклопедии знаний, делал даже сам попытки в этом направлении. Другие гуманисты работали в разных областях науки, иные были политиками и социологами, как один из позднейших, Томас Мор, автор „Утопии“. Из древней идеологии они черпали средства, чтобы выражать и оформлять новые практические тенденции, чтобы все решительнее критиковать отживающее с новой точки зрения. Подражательная форма их литературы не мешала исторической оригинальности ее содержания, и с развитием гуманизма уступала место формам все более самостоятельным, вырабатывавшимся заново.

Новое искусство, пройдя через школу античного, обучившись его художественным приемам, в свою очередь пошло дальше независимыми путями; выражая иную жизнь, иные настроения, оно по богатству содержания и красоте форм оказалось вполне достойно классических образцов, частью даже их превзошло. Гениальное творчество эпохи Возрождения и нынешним поколениям представляется недостижимо высоким.

Все культурно-революционные течения развиваются аналогичным образом: они сначала пользуются старыми, готовыми формами, чтобы вкладывать в них свое новое содержание; но по мере его роста создают иные, оригинальные, более приспособленные к нему.

— Какое значение в жизни тогдашнего общества имела рецепция („принятие) римского права?

— Она также отнюдь не была делом простого подражания. Дело шло вовсе не о том, чтобы воссоздать античные формы гражданской жизни, а о том, чтобы поддержать и укрепить нарождавшуюся буржуазную организацию, во многом отличавшуюся от древней рабовладельческой. Римское право должно было, главным образом, кристаллизовать и упрочить частную собственность, являющуюся основой буржуазных отношений, как она являлась раньше основой рабовладельческих.

Феодализм и недостаточно развил частную собственность, и недостаточно ее ограждал. Собственность на землю оставалась еще во многих случаях общинной или неопределенной: значительная часть земли находилась в мирском владении крестьян, часть — в совместном пользовании у них с помещиками. Римское право послужило орудием уничтожения таких форм; в массе случаев это повело к экспроприации крестьян: занятые ими земли об'являлись собственностью их помещика, данною им лишь в пользование; помещик мог согнать их, мог „огораживать“ для себя земли, находившиеся в совместном у него пользовании с ними, и т. п. Римское право помогло помещикам превратить вассальных крестьян в крепостных помещичьей земли, а затем, когда это стало выгоднее — заменять их вольными арендаторами или наемными батраками.

В то же время римское право должно было и ограждать индивидуальную собственность, положение которой при феодальном праве оказывалось на каждом шагу неустойчивым и ненадежным, уже в силу огромного разно-

образия норм, ее регулировавших: вопросы о спорном имуществе, о наследовании и т. п. в одних местах решались, по обычаям, так, в других—иначе; и для произвола судебной власти, находившейся чаще всего в руках феодалов, открывался неограниченный простор. Римское право внесло определенность и единство в имущественные отношения.

г) Ереси и Реформация.

— Откуда происходили ереси в католической церкви?

— Католицизм, как и наше восточное православие, был христианством, переработанным применительно к феодальному строю: он представлял организацию мира в образе цепи сюзеренно-вассальных отношений, высшие звенья которой были образованы иерархией святых; он проповедывал массам добродетели смирения и терпения, соответствующие условиям их жизни при феодализме; он давал духовенству неограниченные руководительские права в обыденной жизни, подкрепленные знанием всех отношений паствы, получавшимся через исповедь, и т. д. Когда развитие меновых связей начало расшатывать феодализм, тогда его религиозная идеология перестала удовлетворять не только передовых и образованных людей, которые могли найти путь к античной культуре, но и массы, поскольку они втягивались в обмен товаров, в новые экономические формы жизни. Мировоззрение масс было еще всецело религиозным; понятно, что и потребность в новых идеологиях вылилась там в религиозные искания. Отсюда и возникло огромное большинство ересей. Они зарождались чаще всего в экономически-передовых областях; так, одна из ранних, альбигойская ересь, затопленная потом в крови еретического населения, охватила юг Франции, где особенно по тогдашнему времени процветали ремесла, садоводство и связанная с ними тор-

говля. Ереси являлись зародышевой стадией меновой идеологии.

— В чем обнаруживался такой характер ересей?

— Они проповедывали христианскую нравственность, равную и обязательную для всех, а не различную по сословиям,—требовали, чтобы и высшие сословия проявляли любовь, кротость и смирение и не налагали на народ слишком тяжелое бремя терпения. Ереси восставали специально против организаторских привилегий духовенства и против колоссального обогащения его корпораций,—часто также и против безбрачия, облегчавшего это обогащение. Затем, ереси покушались и на католическое представление об организации мира,—отрицали значение святых, которые были, в сущности, для тогдашнего католического сознания низшими божествами в религиозно-феодальной их цепи. Борьба против духовенства, его власти и эксплуатации стояла на первом плане, хотя это не всегда ясно для позднейшего исследователя, благодаря символическим способам выражения. Напр., гуситы (последователи чешского проповедника Яна Гуса, в начале XV века) одним из главных требований выставляли причащение мирян „под обоими видами“ (тела и крови Христовых), тогда как у католиков под обоими видами причащается лишь духовенство, а миряне—под одним (тела Христова). В действительности это требование символизировало вообще уничтожение привилегий духовенства, и из него делался вывод о том, что пастыри должны выбираться мирянами.

— Какая разница между ересями и Реформацией?

— Такая же, как между бунтами и революцией. Католицизму долгое время удавалось силой подавлять еретические движения. Но развитие менового хозяйства привело, наконец, к тому, что против духовных феодалов выступили огромные, самые различные общественные силы. Короли и князья—собиратели земель, руководители поли-

цейско-бюрократического государства—не могли дольше переносить, чтобы рядом с ними существовала независимая от них организация, с такой экономической силой и властью над массами, и кроме того весьма желали присвоить себе колоссальные имущества духовного сословия; помещики, подчинившиеся королям и князьям и ставшие опять руководящим классом в государстве, также должны были получить от экспроприации духовенства большие выгоды, и кроме того, с уменьшением церковных поборов могли соответственно усилить эксплуатацию своих крестьян. Крестьяне видели в духовенстве не только присвоителей „десятины“ (церковного налога на продукты и доходы), но и проповедников покорности, защитников крепостного права. Горожане, ремесленно-торговое сословие, более образованное, чем другие, и вольнолюбивое, воспитанное на демократизме цеховой организации, не только находили излишними церковные поборы, но и не мирились с крайне-авторитарным духом католицизма, подавлявшим свободную мысль и личную инициативу.—Выступление всех этих сил против католической церкви образовало великую революцию эпохи торгового капитализма, носящую имя Реформации.

— Представляла ли Реформация единое религиозно-идейное течение?

— Нет, отдельные классы и даже социальные группы выдвинули свои особые доктрины, так что движение разбилось на исповедания или секты. Напр., княжеско-помещичий протестантизм принял форму лютеранства, умеренного, угодливого перед силой и властью, враждебного демократии. В буржуазных республиках Швейцарии и Голландии сложился кальвинизм, резче порвавший с религиозной обрядностью, патриархально-суровый, как нравы тогдашней мещанской семьи, глубоко проникнутый отвлеченным фетишизмом. По учению кальвинистов, бог заранее предопределил всю жизнь, всю судьбу людей, так что о каждом еще до его рождения решено, пойдет ли он в вечное спасение или в вечную тибель; этот бог есть

очевидная копия „отвлеченной необходимости“, отражающей, как мы знаем, непреложную в меновом обществе и часто жестокую власть экономических отношений над людьми. Ремесленный пролетариат городов—подмастерья, ученики—шел под знаменем анабаптизма, революционно-демократического, частью даже склонявшегося к коммунистическим идеям, и т. д.

Вначале все протестантские течения довольно дружно боролись против общего врага, объединившись на критике католицизма и на требовании свободы исповедания. Но после первых же побед над католицизмом, после уничтожения церковной десятины и захвата князьями церковных имуществ, эта армия неизбежно должна была распасться не столько в силу различия догм, сколько, разумеется, в силу противоречия скрывавшихся за ними интересов. Начались жестокие междоусобия; секты господствующие, как лютеранство в Германии, кальвинизм в Швейцарии, несмотря на то, что провозглашенную ими свободу религиозной мысли, огнем и мечом, пытками и кострами преследовали крайние секты, представителей общественных низов. Здесь особенно ясна служебная, практически-организационная роль идей в социальной борьбе.

— Покончила ли Реформация с авторитарным мировоззрением Средних веков?

— Нет. Во-1), остались целые страны, где католицизм удержал свою позицию: Италия, которой он был экономически выгоден, потому что она при помощи папства эксплуатировала весь католический мир, Испания, где экономическое развитие задержалось и сменилось упадком. Во-2), самая революция произошла все-таки в религиозных, т. е. еще авторитарных формах, хотя их содержание было уже в значительной части иное. Свобода личного исповедания являлась выражением индивидуализма, но только зародышевым; да и она на деле не удержалась.

Дело в том, что торговый капитализм сохранял массу жизненных связей с остатками феодальной системы. Свои первые шаги в накоплении капитала он сделал путем

торговой и ростовщической эксплуатации помещиков, эксплуатировавших крестьянство, и долго еще продолжал черпать силу из торгового присвоения крепостнической ренты. Помещичье полицейско-бюрократическое государство было необходимым покровителем торгового капитала, который не в силах был создать своей организации в государственном масштабе. Идеология эпохи не могла быть иной, как смешанной, переходной.

IV. Промышленный капитализм.

а) Технические и экономические условия.

— Какие черты техники промышленного капитализма особенно важны для изучения его идеологий?

— Во-1), ее стремительный прогресс;

во-2), ее колоссальное разветвление на специализированные отрасли;

в-3), возрастающая роль механических методов в производстве: сначала превращение ручного труда в механический путем его крайней детализации, дробления на простейшие элементы работы (техника мануфактур); затем переход к машине (новейшая научная техника).

— Какие экономические особенности промышленного капитализма существенно отражаются в характере его идеологий?

— Во-1), производство становится всецело товарным: остатки натурального хозяйства здесь быстро исчезают.

Во-2), приобретает основное значение один специальный товар—рабочая сила: организация труда происходит при посредстве покупки-продажи этого товара (договор найма).

В-3), неорганизованное сотрудничество (меновое разделение труда) расширяется на весь мир; организованное

(кооперация в отдельных предприятиях) вырастает до гигантских в сравнении с прежним размеров, охватывая в иных случаях уже теперь десятки, даже сотни тысяч работников.

В-4), рыночная конкуренция развивается до величайшей напряженности, обуславливая и ускоренную концентрацию капитала, и огромную неустойчивость производственных отношений: перепроизводство, кризисы и т. под.

В-5), усиливается и усложняется борьба социальных групп; а затем ее заслоняет и оттесняет борьба классов, все более определенно разбивающая общество на два лагеря—капиталистов и пролетариев.

— Какими чертами можно сжато характеризовать жизнь промышленного капитализма в отличие от предыдущих формаций?

— Сложностью, противоречивостью, неустойчивостью, но также богатством сил и содержания.

б) Масштаб и общий тип идеологического развития эпохи.

— Чем отличается духовная культура капитализма от предыдущих с количественной стороны?

— Невиданной грандиозностью, как и его техника. Это—необходимый результат выясненных нами особенностей его общественно-практической организации.

Во-1), неизмеримая сложность его технического и экономического механизма необходимо требует и порождает такую же сложность механизма мышления. Каждый элемент каждого из бесчисленных видов орудий, материалов труда, каждый необходимый момент каждого рода трудовых операций должны иметь свои обозначения в словах-понятиях; все их соотношения должны быть выражены в идеях. Всякая отрасль обладает своим специальным языком и своим, обыденным и научным, опытом. В общем

языке и общем познании связывается опыт десятков и сотен миллионов людей, накапливающийся в ряду поколений. Богатство форм далеко превосходит не только память отдельного человека, но и его воображение.

Затем мы знаем, что всякое меновое общество, в силу своей коренной неорганизованности, нуждается в особеном развитии норм, регулирующих его отношения, организуящих его, по крайней мере, частично. При капитализме это условие обнаруживается в наибольшей степени, потому что он есть наиболее законченная меновая система. Его внутренние противоречия бесчисленны и многообразны. К противоречиям рынка он присоединяет классовые антагонизмы и столкновения групповых интересов; все они изменчиво переплетаются между собою. Борьба повсюду проникает процессы общественной жизни, и при беспрерывном развитии должна была бы разрушить общество, раздробить его в пыль. Нормы ограничивают, вводят в рамки эту тенденцию. Но, как бы они ни были многочисленны и совершенны, они не могут заменить планомерного единства общественной организации; поэтому они неспособны и остановить возникновения новых противоречий, новых антагонизмов. Оно же, в свою очередь, ведет к усложнению прежних норм и выработке еще иных, и т. д. Сеть норм, моральных, и особенно правовых, разрастается, запутывается. Она быстро стареет в одних своих частях, оказывается недостаточной в других, и таким образом сама порождает добавочные противоречия; а это означает опять-таки необходимость дальнейшего создания норм. Так, нередко введение нового закона, или даже простое сохранение старого среди изменяющихся условий, вынуждает множество дополнений, разъяснений, истолкований, правил применения и пр.

Несмотря ни на какие усилия государства сокращать и упрощать узаконения, юридическое творчество при капитализме неизбежно развивается наподобие лавины. Отсюда вытекает следующая несообразность, как нельзя более характерная для современной правовой организации:

государство предполагает все свои законы известными всем гражданам и не позволяет отговариваться их незнанием; в действительности же масса законов так огромна, что отдельной личности вообще невозможно вместить ее в память.

— Какие способы мышления господствуют в идеологиях капитализма?

— Те, которые мы нашли, исследуя идеальное меновое общество: индивидуализм и отвлеченный фетишизм. В царстве капитала они развиваются до высшей ступени, какой вообще способны достигнуть, потому что только здесь меновое хозяйство вполне вытесняет — по крайней мере, к концу эпохи — хозяйство натуральное. Рыночная война всех против всех (источник индивидуализма) и власть общественных отношений над людьми (основа менового и вообще отвлеченного фетишизма) здесь развертываются до своих крайних пределов: бешеная конкуренция мирового рынка и его стихийные кризисы типичны для капиталистического общества.

— Вполне ли исчезают при капитализме авторитарные способы мышления?

— Нет; но они теряют самостоятельное, определяющее значение. Дело в том, что их экономический источник — авторитарное сотрудничество — не устраняется окончательно, а только сводится к ограниченным размерам и подчиненной роли в жизни. Неорганизованное, меновое сотрудничество неспособно по самой своей сущности охватить жизнь общества всецело: она не может быть построена анархически по всей линии, во всех своих частях; никакое широкое соединение человеческих усилий для той или иной общей цели не было бы тогда осуществимо; напр., не было бы крупного производства. Капитализм поэтому должен сохранять остатки авторитарных отношений; но он приспособляет их к себе, своеобразно переделывает их для себя.

Так, каждое предприятие в отдельности организовано авторитарно: капиталист в нем хозяин и господин; он

передает часть своей власти наемным агентам—директорам, инженерам и пр.; работники подчиняются ему и им в процессе производства. Но это не такое соотношение, как, положим, в патриархальной общине, где связь организатора с исполнителем имеет постоянный, безусловный и притом личный характер: в капиталистическом предприятии она не постоянна, а ограничена рабочим временем,—не безусловна, а обусловлена рыночным договором найма рабочей силы,—не объединяет строго определенного, устойчивого состава лиц, а допускает неограниченное их замещение. Капиталист Иван всегда может продать предприятие капиталисту Петру или акционерному обществу, по миновании договорного срока переменить весь состав служащих и рабочих; патриарх же у себя в общине не может сделать ничего подобного. Между капиталистом и рабочим стоит рынок; власть капиталиста имеет источником продажу-покупку рабочей силы, т.-е. товарно-меновое отношение. Авторитет капиталиста, это—его деньги, меновая ценность, которую он располагает. Следовательно, авторитарное сотрудничество здесь пропитано меновой, рыночной связью: образуется нераздельное сочетание обеих форм.

Авторитарные элементы характерны и для государства, (политически-правовой организации, воплощающей в жизнь общие интересы буржуазных классов. В самых демократических республиках, как и в монархиях, бюрократический аппарат представляет иерархию, т.-е. цепь власти-подчинения. Но в то же время между государством и его чиновниками существует договор найма, который может быть прекращен отставкой, т.-е., по существу, та же рыночная связь, периодическая покупка-продажа трудовых способностей служащего, смешение в неразрывный комплекс форм авторитарной и меновой.

Более чистый авторитаризм свойствен военному аппарату государства—его армии: солдат обыкновенно не наемник, а принудительно вводится в эту организацию. Однако по истечении некоторого обязательного срока и

он остается дальше, лишь если пожелает, по специальному договору найма; офицерство же вообще является разновидностью бюрократии.

Наиболее чистые пережитки авторитарной связи удерживаются в семье: власть отца над женой и детьми—маленький остаток древнего патриархата.

В соответствии со смешанными видами практической связи между людьми складываются и сохраняются смешанные идеологические формы, в которых комбинируются разные способы мышления—авторитарный с индивидуалистическим.

— Как представлять себе подобные комбинации?

— Они бывают весьма разнообразны; самые типичные их примеры можно найти в философии, особенно в религиозной философии, которая вся является образцом этого рода.

Так, „душа“ есть фетиш авторитарный: человек-организатор, помещенный в человеке-исполнителе. Но в мышлении нашего времени душа—нечто гораздо менее содер­жательное и более отвлеченное; это „я“, которое думает, чувствует, желает, распоряжается телом, но само не есть ни та или другая мысль, ни то или другое чувство, желание, усилие: какая-то скрытая в человеке сила, которая делает его существом сознательным, „одушевленным“. Другими словами, душа есть то, что одушевляет тело, т.-е. она есть душа, и только,—а в то же время от нее зависит жизнь тела; это вполне аналогично тому, что стоимость есть стоимость, и от нее зависит обмен товара или истина есть истина, и ею определяется разумность идеи, и т. под. Фетиш авторитарный принял знакомые нам черты фетишизма отвлеченного.

Другой пример: в новейших религиях и религиозных философиях божество теряет свои живые формы человека—патриарха вселенной или ее царя. Что остается? В „деистических“ философиях (название от латинского „deus“—бог) только то, что оно—первопричина мира и

источник его закономерности, т.-е., что оно—божество; в „теистических“ (от греческого „θεός“—тоже бог) к этому прибавляется признание его „личности“, но не такой, как человеческие личности, с телом, потребностями, страстями; смысл понятия о „личности“ здесь сводится всецело к тому, что божество имеет свое „я“ того же типа, как человеческая душа; а мы видели, что это „я“ само—отвлеченный фетиш. В новейших религиях божеству приписываются, в разной мере, мысли, желания, чувства, напр., знание всех фактов, забота о мире, любовь, гнев; но все это в бестелесном, отвлеченном виде, в „символическом“ значении, как выражаются часто сами теологи.

Третий пример—власть. Это—авторитарное отношение между людьми; но, как мы видели, она необходимо сохраняется при капитализме. Для человека патриархальной или феодальной эпохи власть—нечто неотделимое от самого властителя; вернее, она и есть этот властитель в его деятельности. Для современного человека власть, это—право распоряжаться или приказывать, соединенное с обязанностью других людей подчиняться; другими словами, власть есть то, что свойственно властителю, или просто власть, и только. Мысль о сотрудничестве организатора и исполнителя при этом совершенно отпадает; да и не может быть иначе, потому что приказывающий и подчиняющийся, большей частью, люди друг для друга совершенно безразличные, очень часто даже друг другу внутренне враждебные. Социально-трудовое содержание власти исчезло из мышления современного человека; а в этом и заключается сущность отвлеченного фетишизма.

— Насколько широко распространены при капитализме подобные смешанные формы, и вообще остатки авторитарной идеологии?

Они сохраняются, а порой возобновляются или усиливаются в сознании разных групп и классов, соответ-

ственно тому, в каких размерах и степени практически авторитарные тенденции выступают в самой их жизни.

Так, характерна роль современной буржуазной семьи, как опоры религиозных представлений. Наблюдается на каждом шагу, что родители, равнодушные к религии с ее обрядами, или даже прямо неверующие, допускают, а часто и специально заботятся о том, чтобы их детям внушались религиозные понятия, выполнение обрядов и пр. В объяснение этого приводят разные доводы и соображения о потребностях детской души, о том, что детей не надо лишать возможности самостоятельно выбрать впоследствии между религией и философией, и т. под. Но существо дела, конечно, не в этих отвлеченно-произвольных аргументах, а в том, что авторитарный строй семьи нуждается для своего равновесия и гармоничности в авторитарной идеологии; чтобы родительская власть принималась без колебаний и критики, без протестных индивидуальностей, для этого должен быть укреплен патриархальный принцип власти в детских душах; а это и делается религиозными идеями.

По той же самой причине классы, стремящиеся к более авторитарной организации государства и общества, к усилению бюрократии, права административного усмотрения и т. под., стараются по преимуществу поддерживать религию. Такова помещичья аристократия; такова и сама буржуазия в эпоху своего упадка, когда силы начинают изменять ей в классовой борьбе с пролетариатом: авторитет сильной и консервативной власти становится тогда для нее якорем спасения; и раньше враждебная религии, она тогда начинает всячески поддерживать ее, делается „клерикальной“.

Подобными же обстоятельствами объясняется то, что демократические перевороты в разных странах, подрывающие силу авторитетов на практике, сопровождаются ослаблением религиозных идеологий; а восстановление монархической власти—их немедленным укреплением.

Напр., Наполеон, устраивая империю на месте республики, немедленно возобновил государственную поддержку религии, при чем нашел опору во всех тех слоях французского общества, которые чувствовали потребность в твердой власти.

В наше время на каждом шагу обнаруживается теснейшая связь клерикализма и вообще религиозных тенденций с милитаризмом: сторонники первых являются обыкновенно и сторонниками второго. Связь эта могла бы казаться крайне загадочною, ибо трудно представить дело само по себе более анти-христианское, чем массовое истребление человеческих жизней; на деле же она вполне логична, потому что армия есть организация авторитарная и своим назначением имеет защиту власти.

В общем же, при капитализме авторитарные идеологии все-таки имеют характер лишь „пережитков“. Даже самые религиозные люди нашего времени не могут жить всецело религиозным сознанием, неспособны ко всему в жизни относиться с религиозной точки зрения, как это было в авторитарные эпохи. Никому или почти никому из них не приходит в голову рассматривать тот обыденно-практический опыт, которым они руководятся в большинстве случаев жизни, а тем более научное знание, как нечто подчиненное, подлежащее контролю священной традиции; среди ученых и философов есть клерикалы, но и они не считают возможным обосновывать свои теории текстами писания. Они отстаивают права религиозного сознания, как особой, неприкосновенной области в человеческой душе; и нельзя сказать, чтобы даже у них эта область была особенно обширною. Притягивания же на целое, на все мышление и чувство людей давно оставлены.

— Сводятся ли все идеологии эпохи капитализма к элементам индивидуалистическим и авторитарным?

— Нет. На основе машинного производства развивается в широких размерах среди пролетариата новый

тип сотрудничества, раньше существовавший лишь в зародыше: однородная или товарищеская кооперация. В соответствии с ним складываются новые идеологии—коллективистические. Но хотя эти формы сотрудничества и мышления принадлежат одному из классов, порождаемых капитализмом, тем не менее их целесообразно изучать вместе с другими, буржуазными его идеологиями. Это—зарождение новой социальной организации со своей особой культурой в рамках старого общества, с которыми они и сталкиваются, которые они стремятся разорвать в борьбе, все более обостряющейся. Изучить этот тип идеологий удобнее отдельно, в связи с тем общественным строем, который должен, придя на смену капитала, развить их в полной мере.

с) Наука.

— Какими чертами характеризуется при капитализме развитие познания?

— Во-1, научное, т.-е. систематизированное, планомерно вырабатываемое познание начинает играть в жизни огромную роль, которая с ходом капиталистического прогресса еще более и более возрастает. Техника машинного производства является всецело научной, т.-е. руководится точными вычислениями, теоретическими расчетами и предвидениями.

Во-2), рядом с науками техническими и естественными складываются науки социальные, раньше находившиеся в зародыше. Они—особенно политическая экономия—также приобретают весьма важное значение в жизни, а именно в области экономической и политической организационной практики.

В-3), научная специализация доходит до высшего предела; и в то же время в науке усиливается противоположная ей тенденция, сближающая методы и выводы разных отраслей.

— Нет ли противоречия между нашим пониманием социальной причинности и господством науки над техникой? Не стал ли технический прогресс при капитализме определяться научным, идеологическим, тогда как мы раньше повсюду принимали обратное?

Нет, никакого противоречия и никакой перемены в закономерности здесь нет. Если, напр., техническое изобретение сначала является в голове изобретателя в виде научной идеи, то сама эта идея зарождается отнюдь не из какого-нибудь чистого мышления, а из предыдущего трудового опыта, который дает материал для нее, и из технической или экономической потребности, которая направляет работу мысли; и затем судьба изобретения зависит от его соответствия или несоответствия техническим и экономическим условиям, среди которых его приходится осуществлять.

Напр., сила пара была известна уже в древности, благодаря многократным практическим наблюдениям над тем, как тяжелая, плотно прикрывающая какой-нибудь кухонный котел крышка приподнимается или даже отбрасывается при кипении воды. Александрийские ученые построили нечто в роде паровой машины, турбинного типа; но в технику их изобретение не вошло и в науке не удержалось: в тогдашней практике его не к чему оказалось применять; оно потонуло в общем унадке древнего мира.

Когда возникло крупное производство и с ним потребность в больших механических силах, которые можно было бы производить в любом месте, тогда технически-научное мышление обратилось вновь к изучению энергии пара. Основной принцип устройства паровых машин, поршневый был на этот раз взят с водяных насосов, применявшихся в гидравлической технике, и с воздушных насосов, повторяющих ту же модель. Первые машины применялись для грубых работ, главным образом,

в горном деле—для выкачивания воды из шахт, размельчения руды и т. п. На самой практике их применения одно за другим возникали усовершенствования, иногда по инициативе приставленных к ним рабочих. Джемс Уатт собрал воедино эти усовершенствования, прибавил некоторые новые, и машина получила технически-удобную форму, в которой она могла применяться для самых различных производственных целей. Потребность в такой машине сильно ощущалась в это время потому, что текстильная промышленность Англии от ручной работы переходила к применению прядильных и ткацких механических станков: для ручного пряденья и тканья паровая машина была бы, конечно, бесполезна, и не получила бы того огромного распространения в производстве, которое знаменовало английскую „промышленную революцию“.

Техническая роль паровых машин после этой революции вызвала стремление исследовать в общем виде законы их действия. Так была основана Леонаром Карно термодинамика, подводившая теоретические итоги практическому опыту в этой области. Из термодинамики Карно произошел закон сохранения энергии в ее превращениях, преобразовавший всю физику, а за ней и другие естественные науки. Закон превращений энергии выражает сущность не только действия паровых машин, но машинного производства вообще. Смысл его тот, что работа не создается, а лишь превращается в определенных пропорциях из одних форм в другие; чтобы получить ее, надо находить ее технические источники в природе и планомерно, как это делается в машинах, производить условия, при которых она переходила бы в желательные, заранее намеченные формы.

Закон сохранения энергии—основа всех научных расчетов, руководящих современной техникой; но сам он, как видим, продукт предыдущего развития производства. Такова роль науки: ее прогресс определяется прогрессом техники, потому что из него исходит, но в свою очередь служит затем его могущественным орудием.

— Однако, нередко ведь бывает теперь и так, что чисто научные исследования, принятые в химических или физических лабораториях, дают в результате новый технический метод, который и вводится уже затем в производство: пример, хотя бы гальванопластика, фотография, недавние открытия икс-лучей, радия и пр. Не предшествует ли здесь очевидным образом идеология техники?

— Не следует думать, что лабораторное исследование есть просто идеологический процесс. Прежде всего, это—процесс технический: он выполняется над определенными, взятыми из природы, материалами, при помощи орудий, часто тех же, как и применяемые в некоторых отраслях промышленности, напр., в химической индустрии, электротехнике и пр. Результат исследования также, прежде всего, материальный, технический. Разница с промышленным предприятием—та, что задача работы не коммерческая, а научная; но объективного характера дела это несколько не меняет. Нередко даже и эта разница исчезает: многие научные институты готовят и на продажу специальные продукты—сыворотки для лечения, фармацевтические, химические препараты и пр. Вся организация научных предприятий совершенно такая же, как и в индустриальных: наемный труд; разделение функций и т. д. Нередко научное предприятие представляет просто отдел индустриального; напр., на химических заводах, красильных фабриках устраиваются лаборатории для соответственных изысканий.

Таким образом, и в научных предприятиях идеология вырабатывается не сама из себя, как в кабинете какого-нибудь метафизика, а на технической основе. Но все же тут перед нами важная отличительная особенность промышленного капитализма: новые технические методы вырабатываются уже не только стихийным образом, как результат накопления случайно находимых усовершенствований,—но также и сознательным путем систематического

исследования; прогресс в этой области делается специальной целью труда. „Научность“ производственной техники есть в то же время ее планомерная прогрессивность.

— Чем объясняется развитие при капитализме политической экономии, а также вообще социальных наук?

— Потребность в них была вызвана не чем иным, как тяжелою для людей властью общественных отношений. Промышленный капитализм, сделав хозяйство повсюду меновым, подчинив его всецело рынку, усилив до крайних пределов конкуренцию, чрезвычайно обострил проявления этой власти. Чувствуя себя игрушкою непонятных, капризных сил рыночной кон'юнктуры, испытывая от них порою жестокие удары, человек, естественно, стремится выяснить, в чем же тут дело и как избежать неожиданностей таинственной власти. Отсюда — энергичное изучение экономической жизни. А за ним следует познание других социальных явлений, так как связь самых различных сторон общественного процесса ощущается на каждом шагу; напр., политические события влияют на кон'юнктуру рынка, порождая повышение или понижение цены разных государственных бумаг, акций, затрудняя или облегчая торговые сношения, и пр.; а в политической борьбе сказывается сила разных идейных течений, и т. д.

— И что же, политическая экономия с другими социальными науками дали способы успешно бороться против власти стихийных общественных отношений?

— Нет, в общем и целом они таких способов дать не могли, потому что в основе этой власти лежит не просто какое-нибудь незнание, а коренная неорганизованность системы производства, т.-е. самое строение капиталистического общества; следовательно, только его коренное переустройство способно преодолеть эту власть; науки же, хотя бы самые совершенные, заменить такое переустройство, парализовать стихийность реальных сил,

разумеется, не могут: это было бы все равно, что словами и мыслями остановить разрушительные действия бури.

Кроме того, есть причина, еще более ограничивающая практическое значение этих наук. Они созданы буржуазными, индивидуалистическими классами (мы ведь пока говорим только об их науке, об их идеологиях); поэтому они необходимо проникнуты теми иллюзиями, тем извращением действительности, которые заключаются в индивидуализме и отвлеченном фетишизме.

Так для буржуазной политической экономии хозяйство товаропроизводителя представляется на самом деле индивидуальным; очень часто свое исследование она начинала, ради упрощения, с хозяйственной жизни Робинзона на необитаемом острове, и из этих нигде не встречающихся и ничего общего с капитализмом не имеющих условий пыталась выводить свои основные понятия. Меновую ценность эта политическая экономия считала вообще свойством продукта, в чем, как мы знаем, заключается товарный фетишизм; мысль о других способах производства, при которых продукт — не товар и никакой меновой ценностью не обладает, была ей чужда. Но для того, чтобы определить общие законы развития капитализма, необходимо понять его происхождение из иных общественных организаций, его связь и различие с ними, необходимо сравнивать его строение с их строением и т. д., — словом, уметь становиться на другие, вне его лежащие точки зрения. К этому буржуазная наука, подчиненная меновому фетишизму, была неспособна, и потому вопроса о законах развития решить не могла.

— Но разве буржуазная политическая экономия не отрешалась иногда от фетишизма? Разве не она первоначально выработала теорию, по которой меновая ценность товаров сводится к труду? И не есть ли эта теория раскрытие истинного смысла меновой ценности и природы товара?

— Действительно, буржуазные экономисты — Петти, Смит, Рикардо — сумели уловить зависимость меновой ценности от количества труда, заключенного в товарах, и таким образом положили начало „теории трудовой стоимости“. Но было бы ошибочно думать, что тем самым они пришли к настоящему пониманию социально-трудовой природы менового хозяйства и капитализма, преодолели товарный фетишизм: до этого было еще весьма далеко.

В самом деле, какова сущность этого фетишизма? Меновая ценность признается свойством товара, тогда как объективно она есть свойство общественной организации. Но Петти, Смит, Рикардо и считали ценность попрежнему свойством товара, хотя и зависящим от труда. По их мнению, раз продукт произведен, этого достаточно, чтобы он обладал меновой ценностью, соответствующей количеству затраченной на него работы. Между тем, во-1), для этого требуется еще определенная организация общества — индивидуалистическая, анархичная, меновая; иначе продукт никакой меновой ценности не получит; этого буржуазные экономисты не видели, потому что не представляли себе иного, высшего типа общественного устройства; во-2), самая величина меновой ценности определяется не просто суммой фактически употребленного на товар труда, но также уровнем общественно-технического развития, потому что ее создает только общественно-необходимый, а не всякий труд: товар может заключать в себе много труда и иметь малую ценность, напр., если он произведен ручным трудом, а в данном обществе уже существует его машинное производство; в других же случаях может быть наоборот. Но буржуазные экономисты в производстве товара видели труд отдельных работников, индивидуальный, а не сотрудничество в его социальном целом.

Оттого буржуазная политическая экономия и не удержалась на теории трудовой стоимости. Она выработала эту теорию, главным образом, за эпоху мануфактур, где труд был ручной, и его основное значение в производстве

ценности товаров являлось слишком очевидным. Когда же на сцену выступили машины, которые, с точки зрения капитала, вполне заменяют вытесняемых ими рабочих, тогда буржуазные экономисты нашли, что дело отнюдь не в одном труде работников, что он только отчасти влияет на ценность, вызывая издержки на заработную плату, и т. д.

— Надо ли из всего этого заключить, что буржуазная политическая экономия бесплодна и не имеет значения для организации хозяйства при капитализме?

— Нет, такой вывод был бы ошибочен. Эта наука играет большую роль в современной жизни капитализма, в устройстве предприятий, особенно таких сложных, как банковые, акционерные, синдикатные, в деятельности бирж, партий, государственного механизма и т. д. Она помогает буржуазным классам организовать общественные отношения сообразно своим потребностям и интересам. Но ее значение повсюду лишь частичное: она не в силах ничего сделать против основных противоречий и неуравновешенности современного общества, а должна ограничиваться частями.

Материал же, собранный буржуазной наукою, исторически важен еще тем, что он послужил во многом для выработки иной, более совершенной науки, высшего идеологического типа, пролетарской политической экономии, преодолевшей иллюзии как индивидуализма, так и менового фетишизма,—науки, на которой основывается и все наше исследование.

— В чем выражается при капитализме отрицательная сторона научной специализации?

— В подавляющем нагромождении материала отдельных научных отраслей. Оно так сильно, что вынуждает все большее и большее их раздробление. Напр., если полтора-два столетия тому назад возможны были специалисты по биологии, т.-е. по изучению жизни вообще, то затем им пришлось разделиться на зоологов и ботаников.

Затем зоологам потребовалось разбить свои задачи и выбирать для изучения какой-нибудь определенный тип животных—позвоночных, моллюсков, простейших и т. под.; также и ботаникам. Затем и такие отрасли оказались чересчур обширны по материалу, чтобы ими могли успешно овладевать индивидуальные способности; последовало еще дальнейшее дробление. Теперь встречаются специалисты по инфузориям, по той или иной группе бактерий, по процессам образования крахмала в растениях и пр. Из массы таких отраслей каждая настолько сложна и богата данными, что обычно заполняет целую жизнь; лишь немногие, исключительно одаренные люди совмещают две три специальности. Суживается поле деятельности ученых, а вместе с тем и весь кругозор их мышления; уменьшается способность понимать то, что лежит вне специальности, и правильно оценивать действительное жизненное значение как всей ее в целом, так и отдельных ее вопросов: то и другое до крайности преувеличивается в глазах ученых. Словом, развивается так называемая „профессиональная ограниченность“, которая вредит и прогрессу самой науки,—потому что узкое мышление проявляет мало творчества, сосредоточивается на собирании мелочей и частных и тем самым еще усиливает перенакопление материала.

— Какие причины порождают эту отрицательную сторону специализации?

— Два основных условия: Во-1), расширение капиталистической организации на весь мир: поле труда-опыта, доставляющее материал для каждой научной отрасли, чрезвычайно увеличилось по сравнению с прежним; а усовершенствованная техника наблюдений, такие, напр., орудия, как микроскопы, телескопы, позволяют глубже проникать в явления и находить в них гораздо больше содержания: под микроскопом капля воды из лужи оказывается целым маленьким миром жизни и борьбы.

Но само по себе колоссальное возрастание материала вовсе не обязательно превращалось бы в его нагроможде-

ние, перенакопление, если бы настолько же прогрессировала степень его обработки. Тут выступает второе обстоятельство: каждая отрасль науки живет и работает отдельно от других, своими, неизбежно ограниченными силами. Несколько сотен, иногда десятков, в лучшем случае — тысяч специалистов отрасли должны переработать, привести в порядок, стройно организовать материал, собираемый в мировом масштабе. Понятно, что для успешности дела требуется большое совершенство методов, иначе получается непропорциональность. Но как оно может быть достигнуто? Для этого надо, чтобы запас приемов у специалиста был значительный, чтобы он применял их в большом разнообразии, сравнивая их, комбинируя, исправляя одни другими, и таким образом вырабатывал бы наилучшие. Между тем у специалистов такого богатого запаса обыкновенно нет, именно потому, что они — специалисты, не знают других отраслей, кроме своей, других методов, кроме тех, которые в ней уже практикуются. Естественное, что их методы на деле бывают односторонни, лишены гибкости и широты, часто весьма рутинны; и обработка научных данных от этого менее успешна, менее производительна, так что при огромной их массе она недостаточна: обнаруживается перенакопление материала; оно затем и возрастает по мере развития самой специализации, с ее узостью и ограниченностью, с ее бедностью приемов.

— Если так, то не должно ли положение ухудшаться с течением времени больше и больше? Не должна ли в конце концов отрицательная сторона специализации перевесить даже ее выгоды для познания?

— Неудобства крайней специализации действительно за последнее столетие ощущаются все сильнее, вызывая опасения передовых ученых. Но все же эта суживающая тенденция не господствует всецело: за тот же самый период выступает, с возрастающей силой, другая, ей противоположная: тенденция к сближению научных отраслей и к объединению научных методов.

— На чем основана эта вторая тенденция и в чем она проявляется?

— Мы видели, что в различных отраслях производства, как бы ни были они далеки одна от другой, существуют общие условия, находят место одни приемы. Так, измерение и математический расчет применяются повсюду в производстве, особенно машинного типа, в торговле, банковом деле и т. д.; астрономические способы ориентироваться во времени и в пространстве существенны для земледелия, для мореплавания, для дорожно-строительного и военного дела, а равно и во всех областях человеческой деятельности, где только требуется точное распределение времени по часам. „Чистые“ науки, естественные, социальные представляют именно системы подобных общих методов.

Аналогичным образом и в науках, ставших обособленными специальностями, возможны объединяющие методы; и они, в самом деле, постоянно, хотя медленно и незаметно, вырабатывались с самого начала наук. Несмотря на специализацию, общение между научными отраслями было, хотя и слабое; методы одних оказывали влияние на другие, иногда же и переносились из одних в другие. Во многих случаях этим путем совершались целые научные перевороты.

Так, напр., метод точного взвешивания создан первоначально даже не в той или иной науке, а в горной и ювелирной промышленности,—в добывании благородных металлов, их обработке и торговле ими. Оттуда он проник в физику, где его роль огромна. Одним из первых его применил в древности Архимед, открывший с его помощью основные законы гидростатики; сохранились сообщения о том, что толчок к исследованию дан был вопросом грубо-практическим, из ювелирного дела: сиракузский тиран Гиерон поручил Архимеду определить точное количество золота и лигатуры в короне, чтобы проверить добросовестность мастера, который ее сделал.—Из физики приемы точного взвешивания перешли в химию, которую и преобразовали радикально: этим путем

Лавуазье открыл „вечность материи“; и все химические реакции с тех пор стали выражаться уравнениями.

Ньютон произвел такой же переворот в астрономии, воспользовавшись для этого галилеевой механикой (законом движения падающих тел). Нынешняя физиология всей своей научной строгостью обязана методам физики и химии; экспериментальная психология основана на физиологических методах, и т. д.

То же самое, в малых размерах, происходит постоянно во всех областях знания. Параллельно с растущей специализацией идет и сближение отраслей посредством связи их методов; в эпоху машинного производства вторая тенденция все чаще перевешивает первую. В физике раньше такие отделы, как механика, оптика, теория теплоты, теория электричества, работали каждая своими особыми методами, формулировали каждая свои частные законы. Теперь же все они об'единены между собою, а также со всей химией и промежуточной наукой—теорией строения материи—общностью основных методов, специально же—законами превращений энергии. А начало этих законов лежит, как мы знаем, в машинном производстве: сущность его методов выражается в идее „энергии“.—Что касается биологии, там новейшая теория развития аналогичным образом связала ее далеко разошедшиеся отрасли; и то же происходит в других науках.

Специализация не остановилась, но ее отрицательное, суживающее мысль действие уже ослабляется. В настоящее время каждый специалист мелкой отрасли должен знать не только многое, относящееся к отраслям сопредельным, но и обладать большой суммой общих знаний из целого ряда наук.

d) Философия.

— Какую роль в борьбе и развитии двух тенденций мышления, специализирующей и об'единяющей, играла философия?

— Задачей философии, как нам известно, является единство мышления. Поэтому она должна была бы представлять наиболее полное выражение об'единяющей тенденции. В прежние времена отчасти так это и было: некоторые философские идеи оказывались как бы „предчувствием“ научных методов и теорий, сближавших и связывавших разные отрасли познания; так, древняя философия материалистов предчувствовала закон „неуничтожаемости материи“, Эмпедокл формулировал нечто подобное дарвиновскому учению об естественном подборе форм, с выживанием приспособленных, гибелью неприспособленных.

Но в эпоху капитализма философия сама успела резко специализироваться. Это сделало ее мало способной к выполнению об'единяющей задачи; больше чем когда-либо, она является областью спорного, царством разногласий. По мере того как наука вырабатывала новые широкие методы, новые точки зрения, воплощенные в законах, охватывающих разрозненные прежде отрасли, философия усваивала эти продукты науки и приспособлялась к ним, но почти всегда с опозданием. Последний случай, когда философия отчасти опередила науку на этом пути и дала известный толчок ее движению, была диалектика Гегеля, заключавшая в себе идею мирового развития, идущего путем борьбы сил (Гегель ошибочно представлял эти силы, как идеальные, „логические“). В дальнейшем философия лишь следовала за наукой, не всегда успешно.

— Является ли новейшая философия простым отражением прогресса науки, или в ней есть и другие элементы?

— Философия отражает и научное, и еще в большей мере—обыденное мышление эпохи. Такова и новейшая философия. По содержанию она очень разнообразна, в ней масса школ и оттенков.

Как все идеологии капитализма, она совмещает элементы индивидуализма и отвлеченного фетишизма, которым принадлежит преобладание, с остатками авторитар-

ных, более или менее значительными. Эти остатки в крайних „позитивных“ философиях, наиболее проникнутых влиянием науки, ничтожны, в крайних метафизических и в религиозных так сильны, что определяют собою, по крайней мере в смысле формы, их основные понятия: божественная субстанция, абсолютное творчество и т. п.

В раннем периоде промышленного капитализма, когда буржуазные классы вели борьбу против могущественных еще тогда пережитков феодального строя, подготовляя и выполняя буржуазные революции, в философии с особенной силой и резкостью выступали идеи индивидуализма, понятия отвлеченно-фетишистические: личность и свобода противопоставлялись авторитетам прошлого, знание и чистая истина—вере и суевериям. Такая философия, освободительная и просветительная, была боевым знаменем передовых движений эпохи, вдохновляла их, культурно их организовала. Особенно большое историческое значение в этом смысле имела материалистическая и либеральная философия XVIII века, наложившая печать своих идей на Великую французскую и целый ряд последующих революций.

После завоевания буржуазными классами господства, когда, в свою очередь, им приходится это господство отстаивать против нового движения снизу, их философия, естественно, становится в общем более консервативной,—усиливаются ее авторитарные элементы.

— Возможны ли, следовательно, в буржуазной философии системы, построенные вполне целостно, без внутренних противоречий?

— Нет, невозможны; и притом противоречия неизбежно должны заключаться в самых основах систем, так как эти основы сводятся именно к общим способам мышления. Противоречие, конечно, всегда маскируется словесными формулами,—но рано или поздно вскрывается даже

буржуазною критикой. Для нашего же исследования оно обнаруживается немедленно, как только выяснены схемы мышления, составляющие основу системы.

Примером может служить учение Лейбница о монадах. Его „монады“, живые элементы вселенной, это—существа абсолютно замкнутые в своем бытии, абсолютно изолированные друг от друга. Каждая из их бесчисленного множества развивается, развертывает свое содержание только в себе самой и только из себя. У монады нет сообщения с внешним для нее миром—другими монадами,—никаких „окон“ наружу. И тем не менее все монады, от самых низших, соответствующих, приблизительно, атомам материи, до высших, каковы человеческие существа, отражают, каждая в своем внутреннем развитии, с большей или меньшей полнотой, с большей или меньшей ясностью, то, что совершается в окружающем мире. Так, человеческая монада, развертывая из себя ряды бесчисленных ощущений и представлений о внешнем мире, посредством них познает этот мир более или менее верно, более или менее соответственно тому, как он есть в действительности. Это зависит от того, что существует верховная монада—бог; она сотворила все остальные и „предустановила гармонию“ их развития, так что во всех них внутренние процессы совершаются вполне параллельно, во взаимном соответствии. Подобное соотношение существовало бы между показаниями стрелок бесчисленных часов, идеально-точных, устроенных одним и тем же часовщиком и пущенных им в ход в одно и то же мгновение,—обычная аналогия, которою поясняется идея „предустановленной гармонии“.

Очевидно, что понятие об абсолютно-изолированной монаде есть чистейшая схема индивидуалистического мышления; она с величайшей силой и глубиной выражает то состояние отчужденности индивидуума от всего остального мира, которое развивается в анархической системе производства.—Напротив, верховная монада, творец и изначальный организатор мира, автор предустановленной гар-

монии всех прочих монад, есть столь же чистая схема мышления авторитарного.

Очевидное противоречие заключается в том, что индивидуализм, доведенный в схеме до такого законченного и крайнего выражения, несовместим с принципом организации вообще, а следовательно и авторитарной. Если монада вполне замкнута и изолирована, то между нею и остальными монадами ни гармонии, ни дисгармонии нет и быть не может. То, что делается в других монадах, для нее не только абсолютно недоступно, но и не имеет абсолютно никакого значения. Ни знать, ни проверить о них она ничего не может, и если бы вся их жизнь извратилась, или даже они совсем бы, волею верховной монады, исчезли, а осталась бы только одна отдельная человеческая монада,—она попрежнему продолжала бы развертывать свое содержание, продолжала бы все ту же последовательность восприятий, представлений, идей, и ровно ничего не изменилось бы ни в ее миропонимании, ни в ее мирочувствовании. Где нет и не может быть взаимодействия, там нет и никакого взаимоотношения. И сама философская система, ставящая своей целью определить это взаимоотношение, теряет всякий смысл.

— Не является ли такая противоречивость специальной чертою метафизических систем, и не устранила ли ее философия, выступившая под знаменем критической школы?

— Не устранила и устранить не могла, потому что мышление буржуазного мира также господствует и в ней,—потому что задача остается все та же—совмещение двух принципиально несовместимых типов мышления, индивидуалистического с авторитарным. Яркий пример—учение Канта, родоначальника критической философии. Весь опыт, все познание он понимал вполне индивидуалистически: они у него всецело „суб‘ективны“, сводятся к „явлениям“ или к „видимостям“ (*phaenomena*—являющиеся); все переживания, образующие личное сознание, представляют

нечто „кажущееся“. Но он принимает в то же время, что у них есть действительная основа, подлинная реальность, которая их порождает в субъекте; это — „вещь в себе“, которую познать нельзя, а можно только неопределенно мыслить (пошменоп — мыслимое). „Чистый разум“, познающий, не может пойти дальше этой противоположности явлений и вещи в себе: но „разум практический“, нравственное сознание, необходимо, в силу своей потребности в обосновании, должен принять такие „ноумены“, как бог, бессмертная душа, свободная воля.

Сведение всего опыта к „видимостям“, явным образом отражает слабость и ограниченность индивидуального сознания, постоянную возможность для него ошибок, особенно же в жизненных столкновениях личности с другими личностями на поле анархической борьбы интересов: там на каждом шагу „видимость“ создается с целью скрыть или извратить действительность. Напротив, „практический разум“, с его фетишами бога и пр., выражает, очевидно, авторитарную сторону мышления, это — схема власти, вносящей организованность в анархию индивидуалистического мира. Но именно поэтому и здесь неизбежно коренное противоречие.

В индивидуалистической схеме об’ективная действительность непознаваема; а схема авторитарная принимает в ней ряд фетишей и ставит их в определенное отношение к личному сознанию, как источник практически руководящих нравственных идей. Но принимать нечто как существующее, определять словами, ставить в соотношение с чем-либо известным; это, разумеется, и значит — познавать: противоречие двух типов мышления отражается коренным противоречием философской доктрины.

— Какую же организующую роль могут играть доктрины, противоречивые в самой основе?

— Они соответствуют основному характеру организации буржуазного мира, а потому и способны органи-

зовать его противоречивый опыт, насколько это вообще возможно,—организовать, следовательно, и духовную связь тех классов, которым он свойствен. Затем, коренные противоречия не мешают великим философским учениям заключать в отдельных своих частях и ценную критику, разрушающую отжившие идеологические формы, и широкие обобщения, организующие опыт целых областей человеческой жизни; то и другое становится материалом идеологического строительства для нового коллектива, зародившегося в виде рабочего класса. Так, „диалектика“ Гегеля, т.-е., его учение о развитии в противоречиях, была обобщенным отражением прогрессивной стороны анархии буржуазного общества, идущего вперед благодаря борьбе его сил. Естественно, что диалектика эта послужила исходным пунктом первого научно-философского построения пролетарской культуры— „диалектического материализма“.

е) Демократизация знаний.

— Какие условия в промышленном капитализме вызывают демократизацию знания?

— Потребности производства и товарного обращения. Особенно сильно тут влияет техника машинного производства. При машинах необходимы интеллигентные рабочие силы, работники толковые, сообразительные, сознательные, значит, даже не просто грамотные, а с некоторым умственным развитием: иначе при малейшем нарушении сложного и тонкого хода машин должна получаться порча материала и механизма, а то и гибель самих работников. Так, в России введение высшей техники долго замедлялось темнотой и невежественностью масс населения, из которых капиталу приходилось черпать рабочую силу. Это сказывалось и в промышленности, и еще резче в сельском хозяйстве. Случалось, что помещик

выпишет дорогую, хорошую машину, а через несколько дней она приведена в негодность, притом покалечив людей.

Что касается специально грамотности, то она требуется решительно повсюду. Всякое индивидуальное хозяйство, даже крестьянское или пролетарское, строится на все более сложных денежных счетах и расчетах, для которых требуются и арифметические знания, и умение записывать или, по крайней мере, проверять записи в лавочных книжках, в расчетных книжках о работе по найму и т. под. Жизнь мастерских, деятельность государственных и публичных учреждений, движение железнодорожное и пароходное, часто и уличное, регулируются об'явлениями которые надо уметь читать. Чем отношения и связи людей становятся сложнее, изменчивее, запутаннее, тем сильнее потребность „фиксировать“ их, закреплять при помощи письменных знаков.

— Простирается ли процесс демократизации на все научные знания?

— Нет, только на более элементарные. Народные школы устраиваются для всех, средние, высшие и специально-научные школы—только для детей господствующих классов. Современная наука, с ее множественностью методов и нагромождением материала, неспособна к сколько-нибудь широкой демократизации; да и поскольку способна к ней, наталкивается на препятствия в классовом строении общества. Высшее, специализированное знание представляет драгоценную организаторскую привилегию; оно поэтому принимает форму чрезвычайно дорогого товара, покупка которого доступна только немногим. Рядом с демократизацией низших знаний сохраняется аристократизм высшей науки.

— Но разве не выполняется также, и притом в возрастающем масштабе, популяризация самых разнообразных отраслей науки?

— Да, выполняется; но то, что она дает, отнюдь не есть научное знание на всей его достигнутой высоте.